

*Выражаю искреннюю признательность
Ольге Тетериной
за предоставленное стихотворение.*

* * *

Да, мне приятно с осами —
От них не пахнет псиной,
Средь них бывают особи
И с талией осиной.

* * *

Тебе б литфак был лучшим местом,
Живешь ты с рифмой очень дружно.
Пиши ты ямбом, анапестом,
А амфибрахием — не нужно!

В. С. Высоцкий

Пролог

Тому, что произошло через три года с хакером Андреем Кожуховым, лишь предстояло случиться. Никто не мог предвидеть будущего, тем более столь отдаленного, в тот момент, когда Андрей — тогда еще сталкер Капон — шагнул сквозь сиреневую завесу портала, возвращаясь в родной мир*.

Через пару мгновений свечение перехода развеялось в воздухе, всколыхнув у оставшихся в мире Помутнения, кроме объяснимой грусти, и другие мысли и чувства. Возможно, испытывал что-то даже кибер Зан, хотя на его безэмоциональном лице прочесть было ничего не возможно. Зато пес Медок, несмотря на свою теперешнюю разумность, совершенно по-собачьи заскулил, а Олюшка — единственная здесь представительница группировки «ОСА» — невольно шмыгнула носом. Первому было жаль навсегда расставаться с прежним хозяином, ставшим затем настоящим другом, а осица вспомнила о совместных с Капоном приключениях, плюс к чему, пусть и не вполне отчетливо, подумала, что другом тот стал и ей. Взломщик Лом тоже сожалел о прощании с двойником, к которому успел по-настоящему привязаться, особенно после сосуществования с ним в одном теле. Даже отставной полковник полиции Иван Гунтарович Силдедзис, звавшийся теперь Силаданом, — и тот взгрустнул, хоть знал Капона меньше остальных.

* См. романы «Зона Севера. Двуетидный», «Зона Севера. Хакер». (Здесь и далее — прим. автора.)

Меж тем сочинителя стихов-садюшек Василия Сидорова — иначе сталкера Васюту — переполняло и все целое сонмище мыслей и чувств. Конечно, ему вместе с другими было жаль, что Капон их покинул, буквально ушел навсегда, пусть и не в самом плохом, траурном смысле. Но ведь вместе с другом дверь в тот, родной для них с Андреем мир, закрылась и для него, Васюты. Там остался дом, родители, там осталась вся его жизнь! Но... здесь была любимая Олюшка — и это перевесило все остальное. «А перевесило ли? — лезли в голову невольные мысли. — Не сделал ли я страшную, роковую ошибку, выбрав для себя именно этот, чужой и смертельно опасный мир?» Но тут же его окатило волной жгучего стыда и отвращения к себе — как он только мог подумать такое?! Ведь он в самом деле любил свою Олюшку, любил так, что не представлял без нее жизни, а значит, эта самая жизнь у него теперь новая, как и сам этот неприветливый мир, который теперь для него единственный, который, хочешь не хочешь, но теперь не чужой, а свой.

Васюта будто и сам стал другим человеком. Он даже внешне сильно изменился за то недолгое время, что провел в мире Помутнения, не выглядел уже тем неуклюжим пузаном, что раньше, — подрастерял жирок, подобрался, лицо осунулось и стало куда более серьезным, чем у прежнего сочинителя чернушных частушек. Впрочем, сочинителем он, конечно же, остался — талант придумывать рифмованные строки почти для любой ситуации был неотъемлемой частью его сущности.

Но теперь все же стоило забыть хотя бы на время о чувствах и прочей лирике — впереди предстояло весьма серьезное и очень трудное дело. Претерпев некоторые изменения в составе, участники группировки «Сталкер» по-прежнему намеревались воплотить в жизнь свою задумку: создать логистическую цепочку между Романовом-на-

Мурмане* и Мончетундровском**, став ее главным звеном, а именно доставлять на вездеходе в бывший губернский город из бывшего города металлургов загадочные гостинцы-артефакты, привозя в обмен обратно продовольствие, оружие, одежду и прочие необходимые товары. Но для этого требовалось сперва добраться до Романова, чтобы найти надежных людей, организовать необходимые связи, точки сбыта и многое другое, не забывая о мерах осторожности, с учетом того, что и Лому, и Зану требовалось скрываться не только от представителей закона, но и — что куда серьезнее — от сотрудников Секретного отдела департамента государственной полиции — содовцев. Затем требовалось организовать все и в Мончетундровске, но уже после того как Зан добудет в Романовена-Мурмане компактное считывающее устройство, чтобы транслировать мончетундровским трубникам свои воспоминания. Только эти записи могли доказать невиновность сталкеров в гибели трубника Подухи, а грехов, реальных и мнимых, у них перед мончетундровцами и без того хватало.

Что ж, вездеход с помощью упомянутого Подухи был загружен уцелевшими после катастрофы канталахтинского дирижабля продуктами и товарами, сталкеры обновили боекомплекты, как следует подкрепились перед дорогой и были готовы тронуться в путь — к новым, как говорится, свершениям. И новым приключениям на их непоседливые задницы.

* В нашей реальности — название города Мурманска до 1917 года; в реальности Помутнения — и по сей день.

** В нашей реальности — город Мончегорск.

Глава 1

Поскольку второй водитель, которым по пути в эту сторону был геройски погибший Подуха, отсутствовал, Васюта предложил, чтобы теперь с ним в кабине ехала Олюшка. Но Лом замотал головой:

— Нет, теперь ты меня обучать станешь. Олюшка потом с другими осицами будет иными делами заниматься, а водителей всегда должно быть двое.

— Но ведь Зан тоже умеет водить! — попытался возразить Васюта.

— А вот Зану, возможно, придется иногда оставаться в Романове, там у него тоже дел хватит, веришь?

— Парень дело говорит, — кивнул бывший полковник. — Мог бы и я подвизаться, но я старый уже, на меня полагаться в таком ответственном деле не стоит — сегодня жив, а завтра помер.

— Да все мы можем... того-этого... завтра... — пробубнил, уже явно сдаваясь, Васюта. И вскинулся: — Пусть с нами тогда и Медок в кабине едет, все веселей!

— Хорошо бы, — кивнул взломщик. — Ведь его только я понимаю, а он может опасность учуять быстрее всех нас.

— Кроме меня, — возразил Зан.

— Так ведь ты все равно впереди вездехода побежишь, пока по лесу едем, — сказал Лом. — Но вот не знаю, может, Медку тоже лучше с тобой быть — того же зверя он, думаю, все-таки лучше тебя унюхает...

— Звери для вас не опасны, вы же в вездеходе, — логично заметил кибер, — для меня — тем более. И на-

правление я теперь тоже без него знаю. Так что пусть едет с вами, набирается сил, пока есть возможность.

В итоге все с высказанными соображениями согласились, но Васюта попросил пару минут, чтобы хоть чуточку побыть с Олюшкой наедине перед дальней дорогой.

* * *

Стоило влюбленным отойти шагов на десять от вездехода, как в Васютиной голове, продолжая связанные с отбытием Капона мысли и чувства, будто сами собой родились стихотворные строки, причем на сей раз не сядушные:

Прошлое толстым накрылося задом.
Но ведь любимая — вот она, рядом!
Так что давай, сочинитель, не кисни —
Олюшка даст новый смысл твоей жизни.*

Васюта поморщился. Лучше бы было, конечно, заменить «Олюшка даст» на «Оля придаст», но он прекрасно помнил, как не терпела любимая иного к ней обращения, кроме как Олюшка. К тому же и в этом неприлично двусмысленном понимании фраза внушала ему весьма желанные надежды.

И Олюшка, хоть он и не зачитал сочиненного вслух, казалось, подслушала его мысли:

— Не жалеешь, что не ушел с Капоном?

В голосе любимой Васюта почувствовал напряжение, поэтому не замедлил с ответом:

— Ясен пень, нет! Ты же со мной, — и попытался приобнять Олюшку.

* Здесь и далее — стихи автора (кроме стихотворения, помеченного отдельно).

Но та шлепнула сочинителя по руке и сбросила ее с плеча:

— Там тоже есть я!

— Там не ты, там совсем другая Олюшка... нет, там вообще даже не Олюшка, а...

— Пусть не Олюшка, — перебила его осица, — пусть... не знаю... Оленька, но ведь по твоей милости теперь у нее никогда не будет Васюты.

— Не будет Васюты — будет кто-нибудь другой. Какой-нибудь Максютя. Может, он еще в сто раз лучше меня.

— Почему Максютя? — нахмурилась Олюшка.

— Ну, не Максютя, просто Макс. Я же это так сказал, образно.

— Нет, почему ты так уверен, что у мен... в смысле, у нее кто-то обязательно будет?

— Потому что такая замечательная девушка не должна быть одна, — вновь попытался обнять любимую сочинитель и опять получил по рукам.

— Так, значит, она для тебя замечательная?!

— Да не она, а ты! — взмолился Васюта. — Ну ясен же пень!

— Эй, ты, замечательный пень! — рыкнул подошедший к ним ближе Лом. — Вездеход кто за тебя поведет — Медок? Ехать пора! Веришь?

— Действительно, — кивнул стоявший вместе с кибером и псом возле борта «Простора» Силадан. — Не стоит время терять, потом наворкуетесь, когда до Мурманска доедем.

— До Романова-на-Мурмане, — педантично поправил Зан.

Васюта открыл дверцу и стал взбираться на водительское место. Но Лом его остановил:

— А давай-ка я сюда сяду, а ты мне будешь подсказывать, что и как делать, иначе как я научусь?

— Чего тогда и ворчал «кто вездеход поведет»? — заворчал в свою очередь Васюта. — И вообще, может, сначала хотя бы посмотришь, как это делаю я? Или ты механику, как и электронику, насквозь видишь?

— Механику я не вижу, но я ведь не совсем деревянный, сам-то принцип знаю. Мне главное потренироваться. А здесь не дорога, в кювет не съеду, как раз для практики хорошо, веришь?

— А если в дерево въедешь?

— Зачем мне в него въезжать? Не так уж густо они тут и растут, чай не тайга. И потом, здесь же особо не разгонишься, даже если слегка и зацеплю какую березку-осинку, нашему железному коню это не навредит — вездеход на то и вездеход, чтобы препятствия преодолевать.

— Типа «танки грязи не боятся»? — недовольно буркнул Васюта, но все же спустился на землю, уступив взломщику место. — Только смотри, если не осинку, а сосну цепанешь, то вездеход-то, может, и не повредится, зато повредимся мы — инерцию никто еще не отменял.

— Я буду предельно аккуратен, — забрался в кабину Лом. — И потом, ты-то тут для чего? Ты ведь мой инструктор, вот и будешь подсказывать, если что.

— Но когда выедем на дорогу — поменяемся! — поставил условие Васюта. — А то знаю я тебя, разгонишься на всю катушку — тогда точно в кювет улетим.

В конце концов он уселся на пассажирское сиденье, а возле его ног пристроился Медок. Олюшка полезла в кузов, а кибер пока замер на месте, готовый бежать впереди, когда вездеход тронется.

— Ты бы хоть девушке помог, истукан железный! — крикнул ему Васюта.

— Пусть только попробует! Я ему так тогда помогу, что пары-тройки датчиков точно недосчитается, — тут же отреагировала осица. — И ты тоже будь осторожней с такими советами.

— Ладно тебе, — вздохнул Васюта, — я же за тебя беспокоюсь.

К Олюшке подошел Силадан и протянул руку:

— Надеюсь, от моей помощи не откажешься? Или я тоже могу чего-нибудь недосчитаться?

— Детей и стариков не калечу, — буркнула осица и тут же тряхнула головой: — Прости, Силадан, не хотела обидеть. Но помогать мне не нужно, я-то еще не старуха.

Бывший полковник растерянно моргнул, а Олюшка быстро юркнула в кузов. Пожав плечами, за ней последовал и Силадан.

— Кстати, когда поедем, — крикнул им Васюта, — держитесь за что-нибудь, а то у нас водитель...

— Водитель у нас по крайней мере давно сидит на месте, — перебил его Лом, — и ждет от инструктора команды начинать движение, а тот ни мычит ни телится. То есть как раз мычит, да только не по делу.

— Ладно, деловой, трогай давай, — отмахнулся Васюта и крепче вцепился в поручень.

* * *

Взломщик тронулся с ощутимым рывком, но двигатель не заглох. Вездеход медленно двинулся вперед, тоже рывками, но уже не такими резкими, слегка виляя какое-то время вправо-влево, пока Лом привыкал к рычагам управления и педалям. Но освоился он на удивление быстро, словно и впрямь «прочитал» механику гусеничной машины, как он с помощью своей сверхспособности делал это с электронными устройствами.

Зан поначалу оборачивался, но, когда понял, что вездеход за ним не отстает, прибавил шагу, а потом и вовсе побежал неспешной трусцой.

Но так продолжалось недолго. Лом стал вдруг круто забирать влево, весьма ловко маневрируя при этом меж деревьев, а потом и вовсе поехал в противоположном на-

правлении. Причем Васюта на это никак не отреагировал, словно так и было нужно. Зато отреагировал Медок, заподозрив неладное, тем более и Зана перед ними больше не было видно. Сначала он недоуменно заскулил, уставившись на взломщика, потом пару раз гавкнул, а когда понял, что на это оба напарника не обращают внимания, залаял во весь голос.

— Молчи. Это громко. Плохо, — проговорил Лом, глядя перед собой немигающим взглядом.

Пес залаял еще громче и дернулся к водителю, но его придержал Васюта:

— Сиди. Спокойно. Все в порядке. Все нормально.

Но теперь Медок окончательно уверился, что все как раз совсем не нормально. Даже голоса обоих друзей сделались странными, безэмоционально тягучими, а произносимые ими слова и фразы стали походить на механическую речь.

Пес все же вырвался из-под руки Васюты и сунул лапу к лежащей на рычаге ладони взломщика.

— Ты мешаешь, — не повернув головы, будто во сне произнес Лом. — Не мешай. Управляю.

Медок все же дотянулся до его руки и положил на ладонь лапу. На застывшем лице взломщика слегка сдвинулись брови. Он определенно «услышал», что «сказал» ему пес, поскольку ответил с той же механически тягучей интонацией:

— Мы едем правильно. Нам надо туда. — А потом его будто заклинило: — Нам надо туда. Нам надо туда. Нам надо туда.

Тогда Медок развернулся и через колени Васюты метнулся к дверце. Он стал бить лапой по ручке, пытаясь ее подцепить, затем попробовал сделать это зубами, однако у пса ничего не вышло. Ни Лом, ни Васюта на него по-прежнему не смотрели, но взломщик проговорил:

— Да. Ему лучше уйти. Он мешает. Открой ему.